

Анализ творчества Н. Сладкова.

Ходить в лес – как ходить в гости:

других посмотреть и себя показать.

Но ты лесу не нужен, это лес нужен тебе...

(«Под шапкой – невидимкой»)

Чем же заслужил писатель любовь детворы и взрослых? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Ведь Сладков многогранен: он и художник, и публицист, и ученый – природовед. И все же одна из глубинных причин популярности произведений Н.Сладкова несомненна: в наш рациональный, компьютерный век сохранил он в своей душе родничок, питающий всякую творческую натуру, – мудрую непосредственность восприятия ребенка. Одни быстро расплескивают ее в водовороте житейской суеты, а он – сберегал всю жизнь. Потому что знал: утрата лучших черт детства – это и утрата самого себя.

Детство – заветный ключик к постижению нашей зрелости... Без преувеличения можно сказать, что в жизни Сладкова оно было счастливым.

Что собой представляют книги Сладкова? Как определить их профиль? Научно-популярная литература или литература путешествий?

«Смелый фотоохотник» и «Под шапкой – невидимкой», «Поющий бархан» и «Сорочьи тараторки» – сочетают в себе те и другие признаки, как и «Подводная газета», «Миомбо», «Земля солнечного огня». Но этим еще мало что сказано о прозе Н.Сладкова. В современной литературе, стоящей на страже живой среды, у его произведений – особое место. Если для иного писателя проникновение в мир природы – прежде всего средство постичь свое собственное «я», фенологические заметки – способ авторского «самовыражения», то в книгах Н.Сладкова природа действительно главный герой. Сладков – альтруист: он остается наедине с лесом, изо дня в день наблюдает жизнь пустыни или подводного царства не ради изучения себя, не во имя очищения души от суеты и «скверны» городской жизни, а ради самой природы, с целью наиболее глубокого ее познания. Итак, постижение, изучение природы. В книгах Сладкова нет громких деклараций о любви ко всему живому, но авторская позиция настолько ясна, что читатель невольно поддается ее благородному воздействию. Писатель убежден, что «природоведческая литература, познавательная и художественная, должна выработать новую, экологическую нравственность», и подчиняет этой главной задаче все свои книги, от ранней – «Серебряный хвост» (1953) – до более поздних «Свист диких крыльев» (1977) или «Азбука леса» (1985). Для выражения неповторимой красоты природы он использует самые разные художественные формы. Сказка и притча, лаконичный рассказ, иногда похожий на зарисовку с натуры, воспоминания, публицистика, дневник, календарь, «газета» – все это окрашено своеобразной писательской манерой, где метафоричность слита со строго реалистичным письмом. Особенно удаются писателю короткие рассказы. В них он достигает предельного лаконизма, предельной четкости и выпуклости образа.

Основной структурный элемент всей прозы Сладкова – документ жизни природы: леса, пустыни, реки, пещеры и т.д. Во многих книгах текст дополняют фотографии, реже пейзажи, чаще индивидуальные и групповые «портреты» обитателей лесов и полей; они поэтичны, выразительны – неожиданные ракурсы, удивительные мгновения схвачены внимательным, пытливым, любящим глазом неутомимого исследователя природы.

Таким образом, перед нами документальные книги о природе. Некоторые из них имеют даже «отделы справок». Содержат практические советы и наставления юным натуралистам, начинающим охотникам и рыбакам. Схемы, чертежи, инструкции – своеобразное «деловое»,

«полезное» продолжение поэтического рассказа. А материал для этого рассказа взят, как правило, не из вторых рук (Н.Сладков знает «удивительное ощущение: слышать, видеть впервые!»), материал добыт самостоятельно, кропотливым трудом, сопряженным часто и с лишениями, и с опасностями. Охота в лесах, подводное плавание, путешествие по «земле солнечного огня» - пустыне – не только романтика, но и экзотика. Сладков об этом упоминает без нажима, но часто, ведь нельзя говорить о результатах труда, не раскрывая его условий. Исследователь природы должен быть закаленным, выносливым, терпеливым и смелым человеком, не говоря о том, что он должен быть еще и очень образованным. Все это следует из книг Сладкова, определяет их воспитательное значение для молодых читателей.

Характерный тон прозы Н. Сладкова – спокойный, деловой, свойство стиля – точность, краткость. Еще одно ее достоинство – это музыкальная прозрачность, звонкость ее языка. По сути дела, каждая небольшая зарисовка, каждый рассказ – это стихотворение или баллада в прозе.

Ритм в прозе Сладкова играет огромную роль. В каждом явлении, в каждом ландшафте – ритм свой, но все они сливаются воедино, и это превращает любое маленькое событие в частицу целого, в частицу потока жизни.

«У всего свой внутренний ритм, - писал Сладков позднее, когда пришла пора обобщать четко формулировать свои взгляды, - у человека, у зверя, у ландшафта. Ритмы живого дополняют друг друга, сливаясь в могучую музыку жизни..»

Из этого следует, что рассказы Сладкова сотканы из разных интонационных нитей. Но все эти нити сплетаются в две доминирующие контрастные мелодии. Один мотив связан с цепким, обостренным видением природы, со способностью писателя ощущать все богатство ее красок, звуков, запахов и из всей многообразной, мгновенно меняющейся жизни природы выхватить сюжет или деталь, которые его особенно поразили. Этот мотив рождает в рассказах событийную линию, с напряженным, как правило, динамичным развитием сюжета. При этом интонационно она развивается в зависимости от нравственной позиции рассказчика в отношении именно этого сюжета.

Некоторые из его рассказов в основном построены на внутреннем сюжете – передаче психологического состояния рассказчика, но, так или иначе, именно сосуществование или противостояние, переплетение этих двух линий и составляет наиболее характерную черту рассказов, основу их ритма. Камертоном для звучания всего рассказа является первая фраза или первый абзац.

Вот, к примеру, событийный драматический рассказ Сладкова «Тетерка».

Три начальные фразы абзаца – казалось бы, спокойная повествовательная экспозиция: «Кавказская тетерка всем схожа с нашей обыкновенной. Может, только поменьше. И повадка у нее простая: увидит охотника – улетит; услышит – убежит или затаится». Однако появляется последняя фраза абзаца: «Но однажды встретил я тетерку, которая не улетела от меня, не убежала и не затаилась», - и вся экспозиция становитсястораживающей.

Все вызывает в читателе вопрос и неясную тревогу: подчеркнуто симметричное противостояние глаголов: улетит – не улетела, убежит – не убежала, затаится – не затаилась; инверсия, которая вызывает ударение на «однажды» и тем намекает на исключительность последующих событий.

Происходящее - действительно странно. Тетерка, вышедшая с выводком цыплят, услышав стук камешков от неловкого шага рассказчика, должна была улететь и увести своих детей. Но птица все не улетала. Напротив, когда рассказчик, не выдержав напряжения, зашуршал ногой, тетерка, «грозная, възрошенная», бросилась не в сторону, а прямо на него.

И вот – кульминация. «Она кинулась мне прямо в руки и, схваченная, закричала, забилась, теряя перья». Это послужило сигналом, и цыплята разом спланировали под кручу.

Тайна раскрылась, когда птица оказалась в руках рассказчика: тетерка была слепа. Спасая выводок, она бросилась в руки врага – это было все, что она могла сделать для своих птенцов.

До сих пор идет динамичный, предельно лаконичный рассказ, эмоциональных эпитетов практически нет (только «несмышленноши» и «глупые» - о цыплятах, да «грозная», «взъерошенная» - о тетерке), с нагнетанием глаголов и нарастающей экспрессией («бежала, спотыкалась и падала... кинулась... закричала, забилась...»). Но в момент кульминации, наивысшего напряжения, в событийный рассказ впервые врывается мелодия Небывалого, на которое рассказчик хочет обратить внимание читателя. Разом меняется синтаксис. Пропадает сдержанность: «Я был поражен безрассудной самоотверженностью птицы».

И наконец распевная и возвышенная концовка: под ладонью «быстро – быстро билось птичье сердце, такое маленькое, но такое смелое!»

В сладковской прозе, например, очень много сказовости. Самый наглядный пример сладковской сказовой манеры – сказки-несказки. Их принципиальное отличие от традиционной народной сказки о животных в том, что и сюжеты, и «характеры» зверей и птиц – подлинны. Они срисованы с природы, и не являют собой условные звериные маски для рассказа о людях. К примеру, «Медведь и солнце». Ее сюжет очень простодушен: пришла весна, растопила снег, вода потекла в берлогу, и медведь проснулся. Пора вылезать. А ему не хочется, он бы поспал еще и поэтому сердится. В соответствии с законами сказки все действующие лица предстают здесь в обобщенном символическом образе: перед нами ворочается в берлоге не просто мишка, а Медведь, и сердится он на Снег, Воду и Солнце.

Так было и так будет, - дает понять автор истинный смысл сказки-притчи, - станешь бунтовать против законов природы – непременно проиграешь, да еще окажешься в нелепом и смешном положении.

И, как положено, - концовка: «Делать нечего – убрался Медведь из берлоги. Поворчал, поворчал, да и покосолапил...»

Таких сказок-несказок у Сладкова немало («Сыч», «Почему ноябрь пегий?» и другие). Все они сознательно написаны именно в жанре сказки и подчиняются всем ее законам. Сказ – всегда диалог с читателем, иногда и с самим собой, поэтому он по природе своей лаконичен.

Есть у Сладкова и рассказ-путешествие, рассказ-воспоминание («Свист диких крыльев», «За пером синей птицы»), которые построены в форме своеобразного монолога автора, вспоминающего о пережитых им впечатлениях. Очень важен тот факт, что автор не просто делится пережитыми минутами встреч с природой, а старается поделиться своими открытиями с читателями, пробудить их к активной жизненной позиции («... в природе нет правых и виноватых. Под солнцем все правы: волк и заяц, орел и куропатка. Все дело в том, что Жизнь, Жизнь с большой буквы – это жизнь не отдельно волков и зайцев, орлов и куропаток, а их постоянное взаимодействие...»).

Еще одна интересная авторская находка – это «Подводная газета», которая обладает газетной оперативностью: фиксирует месяц за месяцем перемены в подводном мире. Как это свойственно газете, здесь есть заметки специальных корреспондентов («сообщения подводных корреспондентов»), известия с мест, телеграфно сжатые и развернутые, комментарии «от редакции», есть своеобразная «хроника международной жизни» - сведения о далеких морях и реках других континентов, научно – популярные статьи; есть также и маленькие рассказы, отдел юмора, пословиц и поговорок. Но основное пространство книги – «газеты», достовернейшего

жанра занято фактическим материалом, невыдуманными историями, сведениями от «собственного корреспондента» - автора.

И здесь Николаю Ивановичу Сладкову посчастливилось шагнуть дальше своего учителя: Бианки. Это не полемика с ним – это другое видение природы, рожденное другим временем, новой ступенькой в отношениях человека и природы. Сладков помогает другому поколению людей, чья жизнь пришлась на трудные для природы времена. Теперь мало просто увидеть ее и заинтересовать ею читателя – надо научить испытывать к ней родственное чувство, а главное – научить человеческой ответственности за ее судьбу. В его изящных, часто коротких текстах сочетаются удивление, нечаянная радость от прикосновения к сокровенному открытию, глубокий философский смысл. Тексты эти состоят из многих уровней, и каждый читатель, от возраста малышоваго до самого что ни на есть зрелого, вычитает в них свое.

Сам Сладков говорил о взаимоотношениях природы и человека так: «Какое счастье видеть и понимать!» [7, с. 65]

Хотелось бы привести строки из его рассказа «Мы только посмотрим»:

-Мы только посмотрим, как птичка вьет гнездо?

Посмотрели, птичка напугалась, бросила начатое гнездо.

- Мы только глянем, какая птичка на гнезде сидит?

Взглянули, напугали, птичка насиживать перестала.

- Мы только глянем, какого цвета в гнезде яички?

Поглядели – птичка крик подняла; услышала ее ворона, место заметила и, когда все ушли, проглотила яички.

<...>

Столько птенчиков было – ни одного не уцелело. Столько насмотрелись на них, что и смотреть стало не на кого...[8, с.112]

Когда же люди поймут, что нужно беречь живые существа, что без них мы пропадем? Ведь это не просто птенчики – это будущее нашей земли, нашей планеты. В конце он делает своеобразный нравственный вывод, который заставит задуматься о нашей жизни. Ведь человек бережет то, что любит, - надо помочь людям полюбить природу.

Как - полюбить?

«Красота спасет мир», - верил Достоевский. Значит, людям надо снова, как когда-то, увидеть красоту и гармонию природы: научиться открывать в хорошо знакомом необычное, сквозь примелькавшуюся поверхность видеть суть, скрытую в глубине, чтобы природа удивляла, трогала, волновала. Это – исходная позиция творчества Сладкова. Все остальное связано с этим главным источником, берет в нем свое начало.

В своих рассказах Сладков создает ощущение глубокой духовной связи человека с этим миром. Человек забыл, что он сам – тоже часть природы, что он связан с этим миром корнями, кровеносной системой, нервами, - как бы говорит лирический герой Сладкова.

Восприятие мира природы как своего, родственного, открывал для себя и старался пробудить в читателе Николай Сладков.

Человек и природа – лицом к лицу.... Природа является не только сырьем для существования человека, но и залогом его нравственного здоровья.

Об этом мы подробнее поговорим анализируя книги Сладкова.

Вспомним его книгу «Капли солнца», уже во вступлении автор отчетливо выявляет свою позицию:

«Бекас взлетел, завилял и взвился вверх – прямо к солнцу. Ружье взлетело к плечу – выстрел, но стремительный черный комочек мчит вверх, все вверх; с тонких мокрых ножек его, сверкнув, соскользнули две тяжелые капли солнца...

Промахнулся.

Только краешком глаза, только на один миг увидел, как упали на взлете, сверкнув, с его мокрых ножек две золотые капли! Капли солнца!

Сверкнули на миг, а на всю жизнь остались» [9, с. 3].

Самое главное это увидеть полусимволические капли солнца, не просмотреть!

Эта книга состоит из нескольких разделов: «В лесах счастливой охоты», «Земля по облаками», «Земля солнечного огня», «В подводном лесу», «Под каменным небом», каждый из которых отражает жизнь природы в определенной ее области. Эти названия раскрывают гуманистический смысл всего творчества Сладкова.

Рассказ «Без слов» показывает, как далеки от действительности наши представления о животном мире. Здесь рассказывается о том, как девочка пыталась накормить воробьев, а они испуганно улетали. Она не понимает, почему это происходит, ведь она их никогда не обижала, но рассказчик раскрывает ей смысл этого страха:

- Ты не виновата, - успокаиваю я ее.

- А кто виноват?

- Мы виноваты. Все-все. Одни – потому что всегда птиц обижали, другие – потому что позволяли обижать.

- Но за что же их обижать? Они ведь маленькие...

<...> [3, с. 88-89].

Она не понимает, что эти живые существа столько натерпелись за свою жизнь от людской злости, несправедливости по отношению к ним, что заслужить их доверие не просто, на это требуется время...

Рассказ «Все для тебя» еще раз призывает читателей подумать о том, что природа нужна не сама по себе, а в совокупности с человеком, в их взаимосвязи. Она приобретает истинную ценность, когда человек начинает задумываться о ее прелести, непохожести ни на что другое в мире: «...и снова ночь, и пластилиновая вязкость дороги, и теплое дыхание пашни, приглушенные вздохи леса и бормотание воды. И песня птицы – звезды льется в уши, как в две воронки, наполняя тебя радостью единения. Все вокруг для тебя – вся весенняя ночь. Для тебя и юла поет, раз ты слышишь ее. Все для тебя, если не глух и не слеп».

В рассказе «В ущелье Боз - Дага» первые же фразы готовят вас к неожиданному. В высохших скалах что-то таинственно шуршит, ущелье круто виляет, за каждым поворотом ждешь чего-то невиданного. И вдруг звонкий – «будто железка ударяет о камень!» - тревожный крик маленького поползня. Сюжет развивается динамично. Горный козел и кеклики, за которыми охотился

рассказчик, так поглощены этим тревожным криком, что не замечают человека. Но и самому человеку теперь не до охоты, потому что за выступом скалы ему открылось то, чего не видели ни козел, ни кеклики.

«На совершенно отвесной каменной стене – гнездо поползня. Будто кто взял и прилепил к стене узкогорлый кувшин.

А снизу ползет к нему, сокращая и вытягивая свое мутно-пятнистое кошачье тело, цепляясь им за выступы камня, гюрза – змея толщиной с мою руку, чей яд способен убить лошадь или верблюда».

Несколько точных штрихов, сравнений с привычными, любому понятными вещами (крик птицы – как железка о камень, тело змеи – толщиной с человеческую руку), ремарка о яде гюрзы, способном убить не то что маленькую пичугу, но и лошадь и верблюда, – и вы уже втянуты в драматическую ситуацию, участвуете в ней.

События развиваются стремительно, и писатель передает их главным образом с помощью глаголов:

«Стена отвесная, а гюрза ползет: опирается на хвост, поднимает голову и шарит ею, шарит по камню; нащупает уступ и перельет на него свое тело...» [5, с. 222].

Рассказчик очень лаконичен: скупые детали, несколько точных глаголов, метафора («как ртуть»), – но какой зримый образ отвратительного и сильного хищника создают эти немногие слова! Здесь нет никаких авторских подсказок: нравственные выводы читатель должен сделать сам. И когда гюрза уже подобралась к гнезду, когда она изогнулась над ним вопросительным знаком, а бедный поползень совсем зашелся криком, вы вместе с рассказчиком невольно напрягаетесь и замираете, потому что вот именно сейчас змея дотянется до птенцов. Только тут Сладков впервые отбрасывает свою сдержанность и открыто вторгается в текст: «Шут с ним, с козлом! – восклицает охотник. – Не могу же я допустить, чтобы эта гадина у меня на глазах проглотила беспомощных птенчиков! Я поднял ружье...»

Но оно не должно было выстрелить, это символично, так как природа вполне справляется со своими трудностями сама и ей не нужна такая помощь, как убийство со стороны охотника. Он просто протестует против жестокости, готов вступить за слабого.

А стрелять не пришлось потому, что на глазах у рассказчика и читателя происходит чудо: «Маленький поползень, вспорхнув, ударил гюрзу в зыток клювиком, лапками, всем своим маленьким птичьим тельцем». Автор показывает отчаянный порыв пичуги, которая, защищая гнездо, бросается на огромного и страшного врага. Концовка не только вызывает вздох облегчения, но и приводит читателя к обобщению: «И слабый удар грозен, если нанесен вовремя. Не удержав равновесия, змея сорвалась со скалы.»

Здесь есть метафоры и сравнения, но они не загромождают текст, не отяжеляют его, как справедливо замечает критик Н.Банк: «Само по себе обилие метафор переключает внимание с объекта изображения на авторское «я» [1, с. 176], – а для Сладкова первостепенен объект, природа.

Этот рассказ интересен не только в плане нравственного воспитания, урока мужества, но и как некий познавательный элемент. Мы узнаем что такое Боздаг (выжженные солнцем горы), гюрза (змея), агамы (большие шершавые ящерицы) и т.д. Автор удивительно четко проводит линию сосуществования человека с миром природы. Он помогает не только увидеть, но и ощутить свою причастность с ней, по-новому взглянуть на самого себя и свою нравственную позицию по отношению к природе.

Среди рассказов есть серьезные, вызывающие негодование по отношению к хищничеству, например, «Грабители». Этот рассказ повествует о жизни ласточек, которые каждый день подвергаются нападениям со стороны стервятников, коршунов...лисиц... Охотник замечает, как отчаянно они борются за жизни своих птенчиков, как страдают от каждого вторжения: «Тысячи ласточек...Облепили стервятника, как мошकारа. Кричали. Клевали, дергали за перья...Но что значили для разбойника их слабые клювики и крохотные коготки? Вот он заскользил по скале и когтями, клювом, крыльями стал срывать десятки ласточкиных гнезд. Из-под его лап и хлещущих крыльев летели пух, перья, сухая трава и падали, падали вниз беспомощные ласточкины птенцы...он хватал полуголых птенцов и глотал их целиком...» [4, с. 214]. И опять мы видим множество глаголов (облепили, кричат, дергают...), которые помогают писателю передать весь трагизм ситуации.

Проанализировав данный рассказ, можно с уверенностью сказать, что здесь показано сравнение между миром людей и этими хищниками, потому что зачастую люди поступают именно так: грабят, уничтожают беззащитных животных, не задумываясь о последствиях, просто ради развлечения.

Но есть и забавные, шуточные рассказы, похожие на сказки-несказки, форму которых Сладков воспринял от Бианки («Хитрющий зайчишка», «Неслух», «Медвежья горка»). Рассказ «Неслух» повествует о медвежонке, который удрал от матери. Рассказчик в данном случае выступает сторонним наблюдателем. Автор описывает зверя, как ребенка, чем привлекает внимание и вызывает интерес: «..зачихал, закашлял...завыл тихо – тихонечко...и вдруг – плюх! Лягушка!...а ему, дурачку, только бы поиграть...» Сладков не раз говорил о том, что антропоморфизм в детской литературе необходим, так как посредством него ребенок учится понимать животных и птиц, воспринимать их такими, каков он сам, это тот художественный прием, без которого невозможно гуманистическое воспитание личности. Эта мировоззренческая концепция выражена основными номинативными средствами языка (плачет, стонет, смеется...). Согласно этому принципу живые существа, не обладающие человеческой природой, могут наделяться человеческими качествами, физическими и эмоциональными. Рассматриваемые объекты в состоянии чувствовать, испытывать переживания и эмоции, разговаривать, думать, совершать осмысленные человеческие действия. Следовательно, это позволяет ребенку глубже почувствовать родство с природным миром, потому что обидеть «плачущего зайку» невозможно, так как он очень похож на человека... Вот что говорит сам Сладков о данном литературном приеме: «Всматриваясь в жизнь животных, мы невольно примеряем ее к своей, человеческой, жизни. Ученые называют такую примерку антропоморфизмом, очеловечиванием, и не соглашаются с ней. Но еще неизвестно, кто из нас прав! Сверять жизнь других по своей жизни не так уж и глупо. Принимаешь свою жизнь за нуль, становишься чем-то вроде термометра и «измеряешь» жизнь окружающих, пользуясь знаком плюс или минус. Самое удивительное, что, примеряя по себе жизнь животных, не всегда ставишь им минус. У ястреба зорче глаза, у зайца чутче уши. Медведь быстрее, косуля быстрее. Птицы никогда не сбьются с пути, сова ночью видит, глухарь под снегом спит. Животным, как и нам, ведомо чувство страха и радости, они тоже радуются и печалются. Наконец, они, как и мы, хотят пить и есть и часто пользуются при этом очень достойными способами.

Нет, измерять жизнь других своей жизнью не так уж смешно».

Такое очеловечивание природы, такая метафорическая образность присутствует в его книгах постоянно. Возникает как бы цепная реакция: чем больше наполняется тобой все, что тебя окружает, тем больший смысл приобретает каждое движение в природе.

В дневнике Сладкова есть характерная запись: «Во многих книжках я старался показать, - пишет он, - что в жизни вообще нет обычного. Все вокруг тайна и чудо. Самый обычный цветок – это великое чудо, рожденное из комочка земли и капли солнца». И если мы этого не видим, то только

потому, что равнодушно и поверхностно, а может быть и снисходительно, смотрим. А на самом деле чудеса – рядом с нами.

В рассказах Сладкова определились как бы две грани – или два слоя – восприятия природы, которые органично дополняют друг друга: событийный, лежащий на поверхности, и глубинный, философский, приоткрывающий завесу непознанного.

В рассказе «Ночь на Кара – Даге» атмосферу чего-то таинственного, непонятного, даже зловещего читатель ощущает уже в экспозиции: «...такого мрачного нагромождения скал мне еще не приходилось встречать. Идешь, а в спину тебе будто упорно смотрит кто-то; обернешься – никого нет. Крикнешь – из провалов и трещин гаркнет в ответ стоголосое эхо... Скалы пусты и мертвы...»

Спускается ночь: «Из-за черной скалы, похожей на запрокинутую морду зверя, вылезает узкий зеленый клык месяца... осторожно выглядываю из мешка и подтягиваю к себе карабин. Горы черные, без глубины, как вырезанные из бумаги. Облачное море, тронутое зарей, розовеет. Глаз не оторвать: пенистое розовое море с черными островами гор! Это так необычно...»

Здесь уже не просто разгадка одной из тайн природы и не увиденная картина потаенной жизни, а символ, рождающий ощущение безграничности природы, бездонности ее тайн.

Образ лирического героя – рассказчика не вполне совпадает с авторским «я». Сладковский лирический герой – это своего рода инструмент для превращения живых впечатлений в поэтический рассказ. Но вместе с тем это фигура, автору очень близкая. Он сознательно пишет так, чтобы читатель понял: это его, Сладкова, нравственная позиция. Вот, например, рассказ Сладкова «Свиристели». Он повествует о птицах, которые не сталкивались с людьми и еще не боятся их. И вот какой авторский нравственный вывод мы видим: «...и не будем их к этому приучать!» И вновь напоминание о ценности жизни каждого существа на земле.

В творческой лаборатории Сладкова очень важное место занимает деталь. Она задает интонацию повествованию, вокруг нее завязывается сюжет. Чаще всего – это какой-то зрительный образ: контраст между крошечным трепещущим поползнем и «переливающимся, как ртуть» телом громадной гюрзы («В ущелье Боз – Дага»), головастый, губастый, трясущий курдючком медвежонок («Неслух») и так далее. Иногда такой деталью становится звуковой образ. «Голоса бесчисленных живых существ – маленьких и больших! – доносятся со всех сторон. Грозные и ласковые, приятные и неприятные, тихие и громкие – разные. Но всегда таинственные и зовущие».

Некоторые сюжеты Сладкова прямо вырастают из ощущения гармонии и единства природы. Рассказы такого типа, где главный персонаж – обобщенный образ природы, с ее закономерностями и парадоксами, когда, казалось бы, совсем далекие вещи оказываются взаимосвязанными, от сборника к сборнику занимают все большее место в творчестве Сладкова («Лавина и дятлы», «Песенка подо льдом», «Рога зовут» и другие).

Наблюдая и изучая жизнь природы, Н.Сладков не просто обнаруживает очередные любопытные или привлекательные ее грани, картины и сюжеты. Чем больше он вживается в этот мир, тем больше поражен его сложностью и красотой. И, как любитель, то есть человек, полюбивший этот мир, нашедший в нем себя, свое место, он всем своим творчеством стремится открыть мир природы и другим: современным людям, которые в большинстве своем утратили с ним связи. Отсюда же – от любви к природе – приходит Сладков к экологическому сознанию, к ясному пониманию и художественному осмыслению места и роли человека в мире.

Сладков пришел в литературу: пришел поделиться с другими тем, что ему открылось.

И все же в своих художественных исканиях Сладков скорее дотошный наблюдатель. Пример тому – «Подводная газета» (1973). Композиционно книга эта близка к знаменитой «Лесной газете» В.Бианки. Но сходство во многом внешнее.

«Подводная газета» - самая детская книга Сладкова, потому что она предназначена именно для ребячьего восприятия, в то время как его остальные книги, несмотря на большой формат и «детское» оформление, с интересом читают и взрослые.

Это не только необычная книга, но в творчестве Сладкова еще и программная, книга, в которой монолитно соединились научность, художественность и публицистичность. Художественной палитре «Подводной газеты» присущ антропоморфизм, так как назначение его состоит в формировании экологической культуры, экологической нравственности.

Эта книга рассказывает о новой, незнакомой природе. В «лесных» книгах все было проще: там читатель сталкивался со знакомыми вещами и обстановкой, легко представляемыми – пейзажем, деревьями, птицами, зверями. Опираясь на знакомое, можно было дорисовать картину: показать что-то особенное, дать крупным планом детали.

А под водой, где все неизвестно читателю и совсем не похоже на привычное, сухопутное?

«Вот скажу: «Я пробирался сквозь тростники, - размышляет автор в предисловии к книге, - и все привычно представят, как я шагаю, раздвигая зеленеющие стебли с жесткими листьями и пушистыми метелками. Но ведь под водой все происходит не так! Ведь не шагаю я там, а лечу. И тростники под водой совсем без листьев и пушистых метелок, - они гладкие, как карандаши» [3, с. 8].

Автор умело использует в этой книге прием сравнения, что помогает ему сблизить представления о подводном мире с представлениями о земных обитателях («рыбы мальки толкутся, как рой комариков – толкунов»).

Подводный язык образов переводится на земной и становится понятным и поэтичным. Ведь писатель заботится о том, чтобы читатели не только узнали подводных жителей с их повадками, но и почувствовали к ним симпатию. В книге настойчивым рефреном звучит тема бескорыстного интереса к этому миру, потому что «родной землей дно станет для человека только тогда, когда этот новый мир будет «обжит» поэтически...

Когда рыба станет не только ухой, а водоросли – не только вкусным салатом. А как у нас на земле: жаворонок не только птица, а еще и вестник весны; береза не только дерево, но еще и что-то очень родное».

«Подводная газета» выстроена по временам, месяцам года. Он начинается с весны, с марта, апреля, мая. И, как выясняется, делает это совершенно справедливо, потому что пробуждение природы после зимней спячки под водой начинается раньше и проявляется активнее, чем на суше («...рыба что-то почуяла: стала шире ходить, жаднее хватать добычу. То ли солнце расшевелило рыбу, то ли просочились в озера и реки первые подснежные струйки...»).

Конечно, главная заслуга писателя в том, что ему удалось ярко и наглядно, во всем многообразии и сложности связей показать природу, скрытую от нас водой.

Первый толчок мы получаем, прочтя в маленькой заметке, что каждая рыба откладывает от одной тысячи трехсот до трехсот миллионов икринок. И из всех миллионов только сотни становятся мальками и единицы – взрослыми. «Остальные гибнут в ненасытной утробе жителей моря» («Сколько у кого детей»).

Как беспомощно все живое, как беспощадна борьба за существование, за выживание...

Есть рассказы, в которых читатель становится участником событий и вместе с лирическим героем воспринимает происходящее эмоционально. Например, в рассказе «Голубые столбы» (входит в раздел «Дела «Голубых масок»).

Рассказчик в своем подводном снаряжении – маске с ластами – попадает в озеро, почти вся поверхность которого затянута плотным ковром из мха. Только в нескольких местах остались окна, словно глаза, которыми оно тоскливо глядит в небо. Нырнув в одно из таких окон, пловец оказался в синем световом столбе, в котором суежилась стая карасиков. Заметив пловца, они бросились к нему и от голода стали щипать кожу своими мягкими губами. Без света, без кислорода озеро погубило, и рассказчик мысленно видит, как «голубые столбы, на которых еще держится этот темный мир, превратятся в тонкие-тонкие лучики». И вместе со светом исчезнут все эти карасики. Они плавали рядом, раскрывали рты, словно рассказывая о своей страшной судьбе, словно обращаясь за помощью...

Безысходная ситуация, нет ни малейшей возможности помочь.

Но когда пловец всплыл на поверхность, он обнаружил на «окне» дикую утку, у которой к брюшку и лапкам приклеились карасевые икринки. Вот где спасение! Природа сама об этом позаботилась – экологическая предусмотрительность природы.

В детской литературе Сладков оказался первопроходцем по отношению к экологической ситуации земли. Показал всю остроту проблемы.

Сложна и динамична жизнь природы. Сложно и диалектично и представление о подводном мире в книге Сладкова. И главная мысль, главное чувство, которое выносит читатель, закрывая последнюю страницу энциклопедии водяной жизни, – это ощущение родства с живым миром Океана, потому что мы, люди, «начинались в море, как и все. Что сейчас бегают, ползает и растет на земле, летает над землей. Наше сердце гонит по жилам кровь, соленую, как морская вода. И удары нашего пульса так же ритмичны, как приливы и отливы моря...»

Мы в ответе за природу, которая нам доверяется. – говорит своей умной и доброй книгой Николай Сладков.

«Подводная газета» была первым шагом Сладкова в экологическом воспитании читателя.

«Свист диких крыльев»: жанр этой книги определить не просто, на титульном листе стоит очень условное обозначение: «рассказ – путешествие».

В основе этой книги действительно лежит рассказ о совершенно реальном путешествии по реке. Но у Сладкова есть и другие подобные книги: «Миомбо» – о путешествии в Африку, «Белые тигры» – о природе Индии. Главная задача, которую решал автор в таких книгах, – создать в представлении читателя образ пустыни, гор или джунглей.

Замысел «Свиста диких крыльев» совсем иной, он гораздо шире и сложнее. Образ реки – поэтический и философский, образ вечного движения в пространстве и времени, что позволяет Сладкову обернуться к истокам, в прошлое, и внимательно всмотреться в будущее. Без этого не оценить, не понять нашего зеленого мира, где «все сегодняшнее закладывалось вчера, а завтрашнее закладывается сегодня».

Реку Или Сладков выбрал для путешествия не случайно. Его влекло желание еще раз увидеть знакомую реку до того, как на ней выстроят плотину. Лучше ли, хуже ли здесь станет, но все изменится: уже не будет диких, живущих своей особенной жизнью островов, пойменных тугайных лесов, затаившихся в зарослях озер. Еще одна частица дикой природы исчезнет и примет другой облик.

Поэтому он всматривается в здешнюю природу с особенным волнением, со щемящей грустью, как бывает при расставании с любимым человеком. Вот почему в неспешный поток реки Или влились горы Армении, и Талыш, и Гилян. Все они – проявление жизни дикой природы, о судьбе которой Сладков говорит с такой силой озабоченности и любви («Книжка эта о путешествиях в исчезающий мир...»).

Путешествие по реке Или прерывается постоянными вставками, воспоминаниями, вопросами. Книга наполнена откровенными воспоминаниями о том, как рождалась близость с природой («...не свожу глаз с неба. Я с головой утонул в нем...»).

«Все мы на иждивении природы – телом и духом. И природа нам верно служит. И вместо благодарности мы пытаемся скрутить ее в бараний рог. А зачем? Только потому, что она поддается?...»

Нужно преодолеть барьер отчуждения между горожанином и зеленым миром. Но сегодня, когда «половина живых существ одной ногой в Красной книге», простой доброжелательности и пассивного участия мало. Писатель надеется, что его читатели сами начнут активно оберегать дикую природу от бессмысленных и жестоких обид, что они превратятся в его единомышленников, и ради этого стремится протянуть нить понимания между ними и миром живого, побудить к делам, к действию.

«Мы не замечаем воздуха, но без него сразу задыхаемся. Так вот и с дикой природой: только когда мы лишимся ее, мы полностью осознаем, что потеряли. Говорят у природы нет цели. Есть: сделать человека счастливым. Солнце – счастье, чистые воды и воздух – счастье, просторы нетронутых степей, гор, лесов – великое счастье. В картины природы можно всматриваться всю жизнь – и всю жизнь радоваться и удивляться» [4, с. 26].

Что хочет сказать своей книгой Сладков? Это книга – воспоминание, рассказ о путешествиях и приключениях, неожиданных встречах. Но что останется в сердце человека, побывавшего здесь: «Скоро я отсюда уйду. Но все, что коснулось души, я унесу с собой. Вот настоящее и неисчерпаемое богатство природы! Бери, сколько душа пожелает, уноси что захочешь, обогащайся и радуйся – и никому не во вред...»

Книга эта многослойна, в ней присутствуют параллельно и одновременно несколько путешествий со своими событиями и встречами. Многослойны и размышления автора о первозданной, нетронутой природе. Мысли о том, что природа бесконечно щедра к человеку, готова отдать ему все, что нужно; о том, что именно в дикой природе с ее нетронутостью таится неповторимость, к которой тянется человек; о том, что природа бесконечно мудра: в ней нет ничего лишнего, вредного, гадкого, и только мы, со своим самоуверенным невежеством, не всегда это понимаем; о том, что каждый человек, если только этого захочет, может услышать голос природы, потому что она говорит с нами на языке чувств; о том, что наша Земля во Вселенной пока единственный заповедник жизни и, может быть, вообще единственный; и наконец о том, что сегодня природа в нашей власти и ее будущее зависит от нашей мудрости и милосердия...

Возникнув случайно, эти мысли постепенно сливаются в единый поток, единый страстный разговор об ответственности человека за судьбу доставшегося ему единственного во Вселенной заповедника жизни.

Как и в большинстве книг Сладкова, в «Свисте диких крыльев» есть ключевая вставная новелла, где фокусируется идея этой сложной и пестрой книги – новелла о волчонке, которого лирический герой вырастил у себя дома. История очень типичная для нашего времени. Человек взял волчонка, потому что ему захотелось видеть, как тот будет расти. Хотелось стать хозяином настоящего волка. Но только когда они впервые пришли вместе в лес, человек понял, что наделал.

Волчонка не интересовали, не волновали ни запахи леса, ни шорохи, он не боялся выстрелов, он уже не мог жить в лесу сам. Когда его оставили одного, он по следам пришел к хозяину. Дружба для него оказалась дороже свободы... («Волчонок не стал ни диким самостоятельным волком, ни послушной домашней собакой. Ни обитатель леса, ни житель города...»). Нетрудно предвидеть конец этой истории: пришла пора возвращаться в город, а в городской жизни человека волку не было места. И, сознавая, что он совершает подлость, человек отвел члена своей семьи в зверинец. Через год клетка оказалась пустой. Чума... («...горные волки у нас долго не живут. Чума какая-то на них нападает»).

Новелла звучит символически, обличая человека в легкомыслии, жестокости, предательстве не только по отношению к волку, но и ко всей природе, которая ему доверилась. Это ключ к пониманию новых эстетических норм, которые необходимы сегодня во взаимоотношениях человека и природы. Так надо понимать и обращение к читателю, завершающее книгу: «Давно и пристально мы всматриваемся в природу. Не пора ли заглянуть в себя? Какими видят нас настороженные глаза птиц и зверей, глаза полей и лесов? Кто мы, властелины Земли? Чего мы хотим? И что мы творим? Глаза в глаза: человек и живая природа...»

Та же мысль окрашивает и книгу «За пером синей птицы».

«За пером синей птицы» - рассказ-воспоминание о путешествии автора не за добычей и не за научными сведениями, а за радостью видеть редкое живое существо, за обогащением души от встреч с ним, единственным в своем роде, - воспоминания эти наполнены пульсирующей болью за исчезновение того, что не руками человека создано и не может быть им возобновлено («Человек и природа - естественное и неразрывное единство. Постоянно общение двух миров - человеческого и природы. Как бы не отдалялись мы от природы, как бы ни старались от нее оторваться, пуповина нас держит...»).

Саркастический в разговоре «о любителях» природы, по отношению к охотникам Сладков в этой книге беспощаден. Гротескными мазками рисует писатель портрет охотника. «По сторонам он не смотрит - только под ноги... его дело - взять. И все, что к этому не относится, - для него просто не существует» («...и это вот совершенство и красоту охотник превращает в падаль...»).

Вот что говорит рассказчик об охоте: «...весь смысл и красота охоты - до выстрела. Прекрасно выслеживание, волнует поиск, соревнование в хитрости, терпении, осторожности. А выстрел совсем не нужен. Он лишает тебя всего этого, он - тупик. Без него ведь все бы продолжилось, началось бы самое интересное, самое увлекательное - общение с диким существом с глазу на глаз. Жалею, что понял это я не сразу, - сколько потерь! Но рад, что все-таки понял».

В сущности, впервые Сладков здесь говорит о том, что природа нужна человеку как источник духовного, творческого развития. Не станет ее - человек утратит человеческое.

Чем напряженней становится экологическая ситуация на земле, тем большей философской глубиной наполняется проза Н.И.Сладкова.

Рассказ о синей птице звучит как лейтмотив. Писатель поместил его во вводной главе, где размышляет о неповторимости каждого живого существа на Земле. И увидеть его впервые - неповторимое счастье, даже если путь к нему тернист и труден. Символом встречи, чуда и воспринимается здесь Синяя птица («нетронутая природа становится воспоминанием...»).

О чем кричит синяя птица? В гуле воды ее крик едва слышен, но писатель улавливает мелодию надежды: «Мы с нетерпением ждем сигналов из космоса от далеких цивилизаций, - говорит Сладков, и в этих словах хочется ясно выразилась его личность. - И как-то не прислушиваемся к сигналам, что непрерывно звучат у нас на Земле, - позывные из мира птиц и зверей... Давно они ищут контактов с нами...Надеются достучаться до нас... Пусть каждый из нас выйдет на связь - и

тогда непременно родится отклик... Зарботает обратная связь – они и мы, терпящие бедствие и спасатели, призыв и ответ. Вслушайтесь в голоса живого».

Н.И. Сладков вербует единомышленников.

Еще одна из последних книг Сладкова – это «Азбука леса». Данная книга выстроена в виде алфавита, где каждая буква несет свой смысловой оттенок, свое повествование. Все рассказы, представленные в этом сборнике, объединены общим замыслом автора: рассказать о разумности и целесообразности организации лесной жизни. Начиная с первого рассказа «Арифметика леса», мы погружаемся в мир, который живет по своим законам и который не может быть полностью подчинен воле человека. Вот строчки из этого рассказа: «...нельзя в лесу отнимать и складывать как придется, умножать и делить, как кому вздумается. В лесу все так одно к другому подогнано, что не добавить и не убавить, не умножить и не разделить!» Сладков неустанно приводит нас к той мысли, что мы не только не можем, но и не должны мешать той организованной жизни, которая царит в мире природы.

В продолжение темы следует рассказ «Будильник леса», в котором выведен символический образ всего живого – это солнце («...будильник всего живого – солнце. Вот оно, как дирижер, взметнуло над горизонтом лучи-палочки – и грянул хор!...»). Автор не случайно использует именно этот образ-символ, так как солнце является всеобъемлющим началом любой позитивной деятельности, любой положительной идеи. Сладков акцентирует внимание на том, что люди нуждаются в этом светиле так же, как и животные. Мы не можем обойтись без этого источника нашей энергии («солнце командует верзилкой – медведем и крохотным комаром. Рыбой, лягушкой, ящерицей. Цветами, кустами, деревьями. И нами...»).

Есть в этой книге и сказочные образы, которые созданы с целью показать как необычно все то, что происходит в лесу («ведьмины метлы» сами на березе выросли. По ночам на них ведьма летает, а днем дорожки в лесу метет, следы свои замечает...»). На самом же деле эти «ведьмины метлы» оказываются простыми скустившимися ветками, которые разрастаются и переплетаются. За внешне простым образом скрывается тайна, которую и объясняет читателю Сладков.

Еще один рассказ данного цикла – это «Говорящие» птицы». Темой данного произведения является сближение живых существ с человеком. Сладков ненавязчиво утверждает мысль о том, что мы просто не хотим слышать голос животных, равнодушно проходим мимо, а ведь они «переговариваются с нами». Далее можно вспомнить рассказ «Голубянка», который повествует о бабочках-голубянках, которые изумили рассказчика своим видом («слетелись со всех лесных полей. И зачем – то им надо было собраться, раз слетелись со всей округи. Но это уж их дело. А мое дело – смотреть и радоваться»). Все настойчивее он говорит о том, что мы не имеем права уничтожать живые существа, так как сами нуждаемся в них...

«Дары леса» - это рассказ, который содержит в себе универсальный образ природы – лес. Он включает в себя все составляющие жизни, без него было бы невозможно производство, создание варенья, целебной воды и даже целебного соснового воздуха...Но последняя фраза все прерывает: «и чем ты ему отплатил». Опять возвращение к теме ответственности за судьбу нашей планеты. В таких небольших, лаконичных рассказах воплощена творческая концепция автора, его отношение к ситуации в стране.

Он не раз говорил о том, что заслужить доверие животных не так-то просто, а мы не ценим и того, что у нас уже есть: «звери надеются на человека...при большой беде к человеку бегут...такую доверчивость ценить бы надо!» («Доверчивые»).

Всю свою жизнь Сладков призывал и старался показать, как важны минуты нашей жизни, каждая несет свой смысл и свое предназначение...вдруг однажды все закончится, а мы этого даже не

заметим: «мы привыкли, что каждую весну сама собой накатывается волна. А вдруг однажды прилива не станет? Все ли мы делаем, чтобы облако не редело? А вдруг мы что-то не поняли и не успели?..» («Перелетные птицы»).

И действительно, как важно вовремя понять, не упустить те моменты, которые дарует нам природа, окружающий мир.

О каком бы крае писатель ни рассказывал, он говорит о Земле, которую мы должны беречь. В разных концах планеты похоже поют птицы, навевая одни и те же думы, обостряя одни и те же заботы. Все эти мысли характерны для прозы Н.Сладкова, они особым образом окрашивают страницы его книг, придают гуманистическим идеалам писателя размах интернациональный, вселенский. Это отвечает духу современной литературы, страстно ищущей прежде всего родства людей Земли, людей доброй воли.